

М.С. Маргулиес

**Год интервенции. Книга
третья**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.С. Маргулис**
Год интервенции. Книга третья / М.С. Маргулис – М.: Книга по Требованию,
2024. – 318 с.

ISBN 978-5-458-69122-2

ISBN 978-5-458-69122-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Г Л А В А I.

НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ ЭСТОНСКИХ ВЛАСТЕЙ.

Ген. Юденич окончательно переезжает из Нарвы в Ревель. — Беспокойство ген. Родзянко. — Эстонско-русская комиссия по вопросу о переводе русской армии и правительственных учреждений в Ивангород. — Вопрос о приглашении Савинкова. — Сообщение жены Балаховича. — У английского консула. — У Председателя Эстонского Учредительного Собрания. — У Пийпа.

19 сентября. Пятница.

Был полковник Поляков; какой то англичанин спьяна проболтался, что Пири отозван; но объяснение такое: убран за то, что, содействуя образованию Северо-Западного Правительства, не сумел наладить добрых к нему отношений эстонского правительства. Спасибо и на этом.

Был Поляков у Лайдонера и говорил о Балаховиче. Балаховичу он предложил командование батальоном на Изборском фронте (человек 500—600). Балахович отказался. Предполагалось дать ему снаряжение, но пришлось отказать, так как пароход со снаряжением, полученный эстонцами от французской ликвидационной комиссии, третьего дня затонул со всем грузом (погибло несколько десятков тысяч сапог).

На вопрос полковника о посягательстве на генералов и на нас, Лайдонер сказал: «как я не позволил арестовать Балаховича, так я не позволю арестовать кого бы то ни было.»

Приходил шведский инженер и предлагал такую комбинацию: мы даем им монополию на вывоз льна, а они наймут в Швеции корпус волоптеров в 4.000 человек. Этим последним нужно депонировать три миллиона крон гарантии в Швеции и платить солдатам по 150 крон и 10 рублей в месяц на всем готовом. Я предложил найти в Швеции льняную ткацкую фирму, которая гарантировала бы три миллиона волоптерам за монополию вывоза льна, — остальное мы взяли бы на себя. Не понравилось.

Заходил Лианозов. Беседовал долго с генералом Юденичем. Генерал переехал окончательно в Ревель, предоставив фронт Родзянко, который сохранил всех трех подлежащих увольнению полковников. Таким образом, фронт Гдовский у Арсеньева, Нарвский и командование армией у Родзянко; у Юденича — ничего, кроме заседаний с нами. А после взятия Эрзерума, как захлебывалась пресса от восторгов пред «героем». Куда все это героичество девалось?

Генерал против приглашения Савинкова — убийца, дескать; вот и Колчак убрал его от себя подальше в Париж; на Алексинского, которого предлагают наши с.-д., согласен; он же — ручной.

В 6 часов приезжает ко мне генерал Родзянко.

Заявил, что наши левые собираются вести, как ему стало известным, пропаганду на фронте; керенщины он не допустит, да и ни к чему пропаганда — дух солдат и офицеров прекрасен; солдаты дерутся, как львы; их отношения с офицерами прекрасные; нигде нет и не было между солдатами и офицерами таких простых и дружеских отношений; это признают и все побывавшие на фронте иностранцы. Ему сообщили, что на собраниях социалистического блока бывают офицеры. Он ничего не имеет против социалистов, но считает теперь неуместным для военных заниматься политикой, в которой и сам ничего не смыслит; пропагандистов он во всяком случае на фронт не пустит (Лианозову он сказал, что повесит их).

Успокоил его, заявив, что правительство действительно организует отдел пропаганды, но не в рядах белой, а красной армии, куда и пойдут все листовки.

Далее Родзянко указывает на необходимость купить скорее лошадей для армии; начальником ремонтной части он назначил полковника Зейдлица (одного из тех, чье прошение об отставке было в руках генерала Юденича) — человека величайшей частности и большой опытности. Предложил пообещать солдатам за взятию Петрограда землю. Указываю, что неудобно, так как Учредительное Собрание может и не согласиться дать землю нашим солдатам, ибо Колчак и Деникин потребуют того же — земли в Европейской России не хватит; не спорил, предложил обещать офицерам денежное вознаграждение. Требуется обещания крестьянам возмещения всех их убытков, причиненных солдатами; разумеется, соглашаюсь.

Генерал Родзянко будет завтра на заседании совета министров, чтобы и там говорить о нежелательности агитации на фронте и лживости слухов о сизерном обращении с солдатами, о чем наши левые уже не раз возбуждали вопрос.

Спрашиваю, стоит ли теперь начать делать заготовки дров для Петрограда; отвечает: «делайте». Значит, наступаем.

Заходил начальник военных сообщений полковник Третьяков. У него уже готовы деревянные части моста через реку Лугу у Ямбурга, — как только Ямбург возьмем, мост будет наведен. Так ли?

Вечером пришел Кедрин. Созывает собрание юристов для отмежевания гражданской юстиции от военной.

В соседнем номере (отделен от моего только дверью) генерал Юденич упражняется в чтении по французски перед своей женой. Мирное житие. . .

Эстонские делегаты вернулись из Пскова, где передали большевикам требование вести дальнейшие переговоры со всеми четырьмя республиками одновременно.

С фронта доносят государственному контролеру, что прибывшее снаряжение не идет на фронт, ибо начнут рассылать его лишь тогда, когда будут полные комплекты, в которые входят и шинели; а шинелей всего дв. прислано 600; будут ждать, когда придут остальные. Я потребовал от генерала Янова, чтобы приказал раздавать френчи, штаны и сапоги, не дожидаясь шинелей.

20 сентября. Суббота.

В 1 час завтрак с Пири у Лианозова. Лианозов сообщает, что эстонское правительство внесло вчера в Учредительное Собрание предложение о предоставлении правительству заключить договор с Северо-Западным Правительством России о переезде его из Ревеля и выводе русской армии из Нарвы. И Поска, и Штрандман заявили Лианозову свое согласие на его предложение избрать комиссию из трех эстонских и трех русских министров для выяснения всех вопросов, вытекающих из взаимоотношений двух правительств, причем, однако, оба предупредили Лианозова, что не согласятся на то, чтобы Северо-западное правительство оставалось, как таковое, в Ревеле, — но согласны оставить министров, как частных лиц. Далее Лианозову сообщено, что в понедельник, 29 сентября, в Юрьеве будет с'езд четырех Прибалтийских республик по вопросу о переговорах с большевиками, причем на с'езд приглашаются и русские. Лианозов сказал им, что на с'езд буду делегирован я.

Пири — по моему настоянию — обещал написать Поске письмо с требованием от имени английского правительства оставить нас в Ревеле. Прощаюсь с милым Пири. Чтобы укрепить его позицию в Лондоне — я передал ему текст договора, заключенного с группой русских в Берлине немецким правительством о компенсациях за помощь немцам белой армии, полученных нашей морской контр-разведкой. У Пири мало надежды вернуться обратно, — если не вернется, то уйдет из Foreign Office'a и будет поддерживать нас в «Таймсе».

В 5 часов заседание совета. В течение 2½ часов экзаменовали Родзянко, — выдержал экзамен хорошо, прямодушные ответы его подкупали. Он, видимо, старался во всю, желая, подкупив нас признанием и поддержкой армии, добиться нашего согласия на избавление его от Юденича. Если бы он только знал, как бы мы охотно сделали это, будь у нас деньги для содержания армии!

Из трех подполковников, отставки которых мы требовали, Родзянко согласился отпустить лишь Перемыкина; о Зейдлице сказал: «он меня шифрованной телеграммой уведомил, как о сплетне, что генерал Юденич собирается арестовать меня, но ведь посланный мною офицер может и должен извещать меня о всем». А о Шиманском: «это блестящий офицер, взял первый батарею и пулеметы у большевиков в мае». Особенно настаивал он, чтобы агитаторов не посылали в армию, — его успокоили Горн и Богданов.

После заседания за ужином ген. Родзянко спросил меня, довольны ли мы им, и когда я сказал, что вполне, — он шопотом заявил: «пусть Юденич останется в Ревеле, вздь авторитет его так велик в эстонской среде!»

Допрашивали Юденича о Бермонте, — отвечал добросовестно, но растерянно. Почвы у него нет под ногами, всех растерял.

Решили объявить в газете, что Иванов больше не министр (до сих пор, щадя его, не делали этого). Полковник фон-Валь, начальник штаба Родзянко, прислал письмо в редакцию «Свободы России», в которой доказывает, что Н. Н. Иванов большевистский агент.

21 сентября. Воскресенье.

Был утром с Лианозовым проститься с Пири-Гордоном, — такого друга среди союзников не найти. На прощание показал письмо, написанное им Поске от имени Британского правительства: англичане в нем выражают уверенность, что эстонцами ничего не будет предпринято для за-

ключения с большевиками мира, и что вообще их действия будут строго согласованы с действиями и интересами союзников. Другим письмом он просил эстонское правительство не настаивать на отъезде Северо-Западного Правительства из Ревеля, и во всяком случае, согласиться на пребывание там части его, находящейся в сношениях с союзниками. Повидимому, этими двумя письмами объясняется, как то, что Поска и Штрайдман пригласили нас на совещание Балтийских республик в Юрьеве в следующий понедельник, так и то, что Поска просил сегодня прислать список служащих, которых мы хотели бы оставить в Ревеле.

Утром сделал мне любопытный доклад служащий в моей канцелярии лейтенант Кромель, служивший ранее у капитана Z... в его контр-разведке. Z..., капитан первого ранга и б. преподаватель Морской Академии, служит в контр-разведке, организованной для Колчака. Контр-разведка эта составляет характеристики министров, посылает их в Копенгаген военному агенту для пересылки Колчаку и кому то еще в Париж. Все характеристики даются в юмористическом тоне. Вся его работа направлена на доказательство Колчаку нашей непригодности. Z... близок к к-ад. Пилкину; в сведениях, посылаемых Колчаку, достается и Юденичу.

Сообщил об этом Лианозову; решили проверить факты и поставить Пилкину ультиматум: либо он устраняет Z... и ликвидирует его организацию, либо мы порываем всякие сношения с ним.

Завтракали у Лианозова все министры. Я опять поднял вопрос о приглашении Савинкова; больше всех протестует Юденич. Пилкин ухватился за Савинкова, как представителя Колчака и, видимо, переубедит Юденича. Горн — против из за боязни, что эстонцы истолкуют это, как шаг против признания эстонской независимости; Богданов — тоже. Остальные — за. Решено, что Лианозов переговорит со Штрайдманом и Поской, чтобы выяснить, справедливы ли

опасения Горна, а левые настаивают на посылке Савинкову телеграммы с приглашением приехать для переговоров; если он принимает нашу программу целиком и стоит за независимость Эстонии, Финляндии и права самоопределения других, — то включить его в состав правительства.

Вечером приехал ко мне Родзянко; сообщили, что к К. А. Крузенштиерну пришла жена Балаховича и передала ему о заговоре против генералов и правительства, в котором-де ее муж не принимает никакого участия. Настаивала, чтобы с ее мужем скорее примирились. Крузенштиерн хотел ее свести к Пири, чтобы она подтвердила свое заявление, но она отказалась ехать. Родзянко предлагает воспользоваться этим показанием, арестовать Н. Иванова и полковника Озоля, которые по словам г-жи Балахович, устраивают этот заговор. По ее же словам, у Балаховича 2.000 солдат, полное вооружение и деньги от эстонцев. Я объяснил Родзянко, что арестовывать на чужой территории мы не имеем права, что об аресте надо просить эстонцев, что они содействия не окажут (на арест полковника Энгельгардта согласились потому, что он немецкий барон); что Н. Н. Иванова не позволит арестовать покровительствующий ему Лайдонер. Тогда Родзянко говорит: «что ж, я пойду и дам Иванову в морду.»

Когда я сообщил Родзянко, что часть министров переедет в Нарву, он заволновался и просил этого не делать, так как нам-де житья не будет от офицеров и солдат, которые из за каждого пустяка будут бегать жаловаться на него министрам.

Получил от Гулькевича телеграмму, что большая немецкая поставка расстроилась — не сомневался, что это был очередной блеф немцев с целью помешать своевременно сделать заказ в другом месте.

Организовываю бюро для осведомления западных и наших правительств и иностранной прессы и для парализования работы контр-разведчиков вроде Z... Подлое время.

22 сентября. Понедельник.

Как полагается по традиции — скверный день. Поска вышел в отставку; одновременно с ним и другой умеренный член Правительства Янсон. На их место сядут левые, и правительство, таким образом, будет состоять из одних социалистов. Будет ли это знаменовать новый сдвиг в сторону большевиков?

Сегодня получен ответ от финского правительства на наше сообщение от 28 августа о желании вступить в дружеские сношения (уже месяц прошел, но ответ финнов помечен 1-ым сентября). Ответ на имя министра — председателя Северо-Западного Правительства, но ни слова приветствия; лишь уверенность в дружеских чувствах к русскому народу.

Пришла американская обувь — около 100.000 пар. Спасены.

Заходил прехавший из Стокгольма инженер Л. О. Левинсон — Левин и сообщил, что нас там хает, кто только в Бога верует. Известный петроградский банкир Д. Л. Рубинштейн пустил слух, что приглашен мною в состав правительства; нашлись ослы, которые поверили и уверили в этом и Н. Н. Шебеко. Ну и соотечественники!

Завтра приезжает сюда Карташев с Новицким; а как Карташев жаждал месяца тому назад отдыха, как мечтал о поездке в Париж!

Был у английского генерального консула Безенкета нащупать, нет ли у него каких либо новых инструкций относительно нас, — ничего не знает; английское правительство-де нас не признало. Спрашиваю: отказалось признать или отказалось в ответ на просьбу здешних представителей английского правительства аккредитировать их при нас? Отвечает: не могу вам сообщить содержание телеграммы, но я лично признаю вас (!) и буду по прежнему оказывать посильное содействие. Никаких директив до сих пор не получил; не думает, чтобы уход Поски знаменовал активную политику эстонцев в сторону мира с большевиками; про-

сит меня составить с Лианозовым, какие вопросы нас интересуют, — запросит свое правительство.

Что день грядущий нам готовит?

Родзянко был вчера у Лайдонера и просил его впустить в Ревель штаб Юденича, чтобы избавить от Юденича его, Родзянко, в Нарве.

23 сентября. Вторник.

В 5 часов заседание совета. Принято признание независимости Финляндии. Более всех настаивал на категорической формуле без мотивировки и контр-условий адмирал Пилкин.

В четверг проходит в Эстонском Учредительном Собрании проект договора эстонского правительства с нами, направленный против нас: а пока что обещанная Штрандманом смешанная комиссия из шести министров не организована, и сегодня категорически отказано нашему штабу в разрешении переехать сюда.

Полковник Шербург везет съ собой завтра Юденича в Ригу, чтобы ликвидировать вопрос о Бермонте.

Приехал доктор А. И. Аснес из Берлина — проехал по моей телеграмме, официально вызывавшей его на место службы в министерство народного здоровья; повсюду по ней получал визы.

Приехал А. И. Пийп из Лондона, — хорошо, будет друг нам, русским, а то тяжело.

24 сентября. Среда.

Утром заходил Пилкин; нащупывал его.

Я: Как вы, представитель Колчака, так настойчивы в признании независимости Эстонии, Финляндии, Латвии и быть может Литвы?

Пилкин: Я официально не представитель Колчака; нас связывает лишь дружба, но ведь и Колчак почти признал Финляндию.

Я: Но совсем не признал Эстии.

Пилкин: Издали ведь Колчаку не видно; но не будь Сазонова, я уверен, что он признал бы независимость и Финляндии, и Эстии. Мы давно его склоняем к этому, а он все наши телеграммы пересылает Сазонову. Поставили ли вы в известность Колчака о наших действиях, о правительстве?

Я: К сожалению, Лянозов не сделал этого до сих пор, но теперь мы решили это сделать, и, может быть, Вы не откажетесь сделать это с нами.

Пилкин соглашается.

В 12 часов едем с Лянозовым к Рею — председателю Эстонского Учредительного Собрания (с. д. меньшевик, молодой человек, помощник присяжного поверенного). Просили его снять с повестки назначенный на завтра вопрос о переселении нас в Нарву. Немедленно соглашается, идет в канцелярию, приказывает вычеркнуть этот вопрос из повестки; обещает не ставить раньше следующего четверга.

Я прошу его на случай, если мы не сговоримся в смешанной комиссии, созвать сенiores конвент Учредительного Собрания и дать нам возможность там защищаться. Охотно соглашается, крайне любезен, провожает до лестницы. Идем затем к Штрандману, — холоден, неуловим, как всегда. Заявляет, что в смешанную комиссию войдут с эстонской стороны генерал Теннисон, командующий корпусом в Нарве, Пийп и Геллат и что Геллат едет в Нарву сегодня, чтобы выяснить, может ли русское правительство разместиться там. Говорим: значит, вопрос о нашем выселении из Ревеля предрешен, нам не к чему входить в смешанную комиссию. — «Нет, нужно — поездка Геллата имеет целью предварительное выяснение вопроса.»

А в 2 часа звонок Теннисона (временный министр иностранных дел) Лянозову, что вся комиссия едет в Нарву,